

- 6) Рассмотрение отчетов о деятельности окружного управления.
- 7) Издание инструкции станичным и хуторским правлениям по поводу исполнения распоряжений и постановлений Окружного Круга.
78. Постановления Окружного Круга исполняются Окружным Управлением.

Раздел VIII. - Глава XIV.
Об окружном атамане

80. Окружным атаманом может быть избрано безразлично военное или гражданское лицо из Донских казаков.
81. Окружному Атаману принадлежит исполнительная власть в округе, ему вверенном. Он управляет округом на точном основании законов, а также разъяснений и приказаний Донского Атамана и Правительства.
82. Круг обязанностей и прав окружных атаманов, а также штаты и порядок замещения должностей управления, определяются особыми законами.

Раздел IX. - Глава XV.
**О членах Войскового Круга,
в округе находящихся**

83. Члены Круга, в округе находящиеся, собираются за неделю или за две до его созыва на несколько дней для рассмотрения вопросов, поставленных населением округа для рассмотрения на Войсковом Круге; вопросы эти должны быть заявлены письменно, за подписью не менее 30 правомочных граждан этого округа, для обсуждения вопросов, внесенных Председателем Круга и для обсуждения вопросов, внесенных Донским Атаманом.
84. Для законного состава заседаний собрания членов Войскового Круга в округе требуется присутствие не менее половины всего числа членов Круга в округе.
85. Собрание созывает и руководит им бывший в президиуме Войскового Круга Товарищ Председателя Круга из данного округа.
86. Члены Собрания, во время заседаний получают причитающееся члену Войскового Круга содержание по смете из войсковых сумм.

Раздел X. - Глава XVI.
Об управлении станицами и волостями

87. Каждый округ разделяется на станичные юрты и волости. В станичный юрт входят все станичные хутора, поселки и иные селения, находящиеся в ее юрте; равным образом, в район волости входят хутора и поселки, находящиеся в данной волости.
88. Все жители данного юрта именовются гражданами такой-то станицы или волости, и все приписанные к войсковому сословию именовются, кроме того, казаками.
89. Станицы управляются выборными на три года станичными атаманами, волости - выборными на таких же основаниях волостными старшинами, хутора хуторскими атаманами и сёла - сельскими старостами, избранными, на тот же срок, без представления их к утверждению в должности.
90. Правила и порядок выборов указаны особыми законами.
91. При станичном и хуторском атаманах, волостном старшине и сельском старосте существуют особые правления, штаты и круг обязанностей которых указаны в законе.
92. Для обсуждения всех дел, касающихся граждан станицы или волости, собирается станичный сбор или волостной сход. Правила выборов членов сбора и схода определяются особыми законами.
93. Круг обязанностей и права станичных и хуторских атаманов, волостных старшин

и сельских старост указаны особыми законами.

**Раздел XI. - Глава XVII.
Об особо выделенных в смысле управления
частях Войска**

94. Города: Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Таганрог, Нахичевань-на-Дону, Дмитриевск, Александровск-Грушевск и посад Азов управляются на особом положении городскими думами, имеющими во главе Городского Голову, и как исполнительный орган, Городскую Управу. В городах Ростове-на-Дону и Таганроге, кроме того, Донским Атаманом назначаются особые градоначальники.

95. Основные законы могут быть отменены и дополнены при условии принятия законопроектов в двух смежных сессиях Войскового Круга.

Председатель Большого Войскового Круга В. Харламов.
Секретарь круга Ф. Крюков.

* * *

Не поднимая, естественно, вопроса об обсуждении «Основных Законов» в настоящее время и в настоящем нашем положении, нельзя, однако, не остановиться на некоторых из них и, конечно, в первую голову на первом пункте раздела первой главы первой.

Не только для громадного большинства не казаков, но и для известного числа самих казаков, этот пункт, гласящий: «Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство», да еще и «основанное на началах народоправства», кажется еще более «громким», чем именование войска «Всевеликим».

Но этот пункт «Основных Законов» только логически утверждал, узаконивал то, что фактически было принято за десять месяцев до этого, а именно: как только в Новочеркасске были получены достоверные сведения о большевицком перевороте, Атаман Каледин и Донское Правительство приняли на себя всю полноту государственной власти в пределах Земли войска Донского и, оставаясь до конца лояльными, послали Временному Правительству приглашение приехать на Дон и отсюда начать борьбу. Ответа не последовало (все рассказы о переезде в Новочеркасск А.Ф. Керенского являются вымыслом, - приезжал Б. Савинков). Войско Донское стало еще в октябре 1917 года независимым государственным образованием, «пока не образуется в России всенародно признанная законная общероссийская власть».

Состоялось отделение Дона - не от России, а от большевизма. Таковым оно, по крайней мере идеологически, остается и по сей день, и останется впредь, покуда казачество будет помнить, что оно - казачество, не признающее большевизма.

Не останавливаясь на героической борьбе 1917-1920 гг. против большевизма Дона, со своей, на государственных (а не добровольческих) началах организованной армией, теперь просто трудно придумать, где бы, не будь этой Донской государственности, еще могла обосноваться колыбель Белого движения, а также могли спастись многие и многие тысячи людей, бежавшие от общероссийского развала на Дон и имевшие возможность потом прожить, и еще проживать в более или менее благополучных условиях уже чужих государств.

Заслуживает внимания упоминание в «Основных Законах» Сената, подсудным которому является сам атаман.

Правительственный Сенат - это Высшее Государственное: Учреждение законности в Империи, уничтоженный большевиками, был законно восстановлен на Дону в составе своих законных сенаторов, этих «сынов отечества», которые, по завету Петра Великого, должны были выполнять «честно, нелепостно, но паки ревностно своё звание». Особым договором (уже позже, в апреле 1919 года), Донского Атамана генерала А.П. Богаевского

с главнокомандующим генералом А.И. Деникиным, Правительственный Сенат, находившийся в Новочеркасске, распространил свою компетенцию и на всю территорию вооруженных сил Юга России.

Может быть, это и покажется мелочным, но хочется остановиться на гербе, как эмблеме, Войска. Вначале был принят нагой казак на бочке, но при оружии (можно всё прогулять кроме оружия: с ним всё достанешь⁷), который, как это ни противоречило распространенному мнению, ведет свое начало еще с допетровской эпохи и является более ранним, чем «Елень» (олень пронзён стрелой, как не быстёр олень, казачья стрела его нагоняет). По наглядности «Елень», конечно, благопристойнее «нагого (как говорится: телешом) казака», но расцветка герба: «черный олень на голубом поле» совершенно ошибочна с точки зрения геральдики, имеющей свои вековечные, незыблемые законы, - олень должен быть или золотой, или серебряный, а поле какого угодно цвета, или наоборот: поле должно быть или золотое, или серебряное, а олень любого цвета.

Войсковым гимном было принято переделанное стихотворение Ф.И. Анисимова, написанное в 1853 году по случаю Турецкой войны и ставшее потом песней, как стали песнями написанные в ту же эпоху стихи А. Туроверова «Много лет войску Донскому...», «Конь боевой...» и А. Леонова «За курганом пики блещут...». Вторая половина прошлого века была известна расцветом казачьей поэзии.

Вот текст войскового гимна, одобренный Кругом 20 сент. 1918 года.

ДОНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ ГИМН

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон
И послушно отозвался
На призыв Свободы он.

Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив,
И, с простора долетая,
Вольный слышится призыв.

Дон детей своих сзывает
В Круг Державный Войсковой,
Атамана выбирает
Всенародною душой.

В боевое грозно время
В память дедов и отцов –
Вновь свободно стало племя
Возродившихся Донцов.

Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старины.
В час невзгоды - честь свободы
Отстоят твои сыны.

«Из песни слова не выкинешь», - гласит народная мудрость. И теперь еще, при исполнении «Всколыхнулся, взволновался...», иногда с новым текстом сплетается старый, заученный многими с детства.

⁷ «Кругом Спасения Дона» в мае 1918 года: «Восстановить старинную печать и герб Донского войска, изображающего нагого казака в папахе, при шашке, ружье и амуниции, сидящего верхом на бочке».

Кубанским гимном стало сравнительно совсем недавнее (в войну 1914-17 гг.) стихотворение священника Константина Образцова: «Ты, Кубань, ты наша родина...», очень трогательное, по смыслу именно, как «зарубежное», вне Кубани: «О тебе здесь вспоминаючи...».

И только у терцев войсковым гимном стало не стихотворное индивидуальное творчество, а народное, коллективное: гребенская казачья песня времени Иоанна Грозного - «Ой, да не из тучушки...».

Казачьи песни, как продукт народного творчества, занимают совершенно особое и почетное место в богатейшем наследстве российских народных песен.

Кстати, напомним, что из российских рек только две (и обе казачьи) имеют свое отчество: Дон Иванович и Яик (Урал) Горынович.

Конечно, и герб, и гимн только небольшие детали «Основных Законов», на которых пришлось остановиться лишь в силу их исторического пояснения.

С первого же ознакомления с «Основными Законами» бросается в глаза и схематичность, отсутствие разрешения некоторых очень важных вопросов, и в первую голову, земельного, который, впрочем, так до конца и остался «отложенным» в портфеле Белого движения. Земельный вопрос, в силу многих исторических и социальных условий, о которых здесь говорить было бы длительно, давным давно перестал быть благополучным именно на Дону. Историческое «а кто землю пашет, того бить до смерти», отошло в область глубоких преданий, - донецкую целину запахали и казаки, и не казаки. Казачьи земельные пай (пожизненные наделы землей) были неравноценны количественно и качественно не только в разных округах, но и в станицах одного и того же округа. Замечательно, что одно только Уральское войско, потерявшее, в наказание после Пугачевского бунта, свое историческое имя (Яицкое) и даже право иметь свою артиллерию (последнее было восстановлено только в Великую войну 1914 17 гг.), как ни одно из казачьих войск, пользовалось широким правом именно хозяйственного самоуправления. Ни атаман, ни администрация не имели права вмешиваться в распоряжения Войскового съезда. Последний был полным хозяином в Войске.

Землепользование тоже было ограждено от всяких посягательств. Каждый казак пахал там, где хотел. Размер участка определялся количеством десятин, «обмежеванных» казаком от восхода до захода солнца. Вся земля принадлежала Войску.

Возвращаясь к «Основным Законам» 1918 года, совершенно необходимо к ним приложить основные начала дополнительного законодательства, указанные в декларации Круга в июне 1919 года (уже при атамане генерале А.П. Богаевском), а именно...

ДЕКЛАРАЦИЯ ВОЙСКОВОГО КРУГА ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО

Войсковой Круг В.В.Д., прерывая свои работы до следующей сессии, считает необходимым огласить во всеобщее сведение основные начала, коими он руководствуется в деле государственного строительства, и указать ближайшие задачи законодательства.

1. Главнейшею целью в настоящее время Войсковой Круг считает решительную борьбу с большевизмом, поправшим закон, разорившим трудовое достояние народа и повергшим Россию в бездну анархии. Продолжение этой борьбы, необходимой для спасения России, Круг мыслит в условиях верности доблестным союзникам нашим и в неперменном боевом сотрудничестве не только с армиями Колчака, Деникина, казачеством и горцами, но и самим русским народом, по мере продвижения боевых сил за пределы Войска.

2. Войсковой Круг считает виновными в постигшем Россию развале, главным образом, вдохновителей большевизма комиссаров и, так называемых, коммунистов, насилующих русский народ террором в своекорыстных целях, и не допускает мысли о мести в отношении к широким народным массам, хотя бы и брошенным в

братоубийственную бойню безумной рукой политических проходимцев.

3. Будущую Россию Войсковой Круг мыслит, как единую свободную демократическую страну с государственным устройством, какое будет дано ей волей и разумом самого народа на Учредительном Собрании, которое должно быть созвано на началах всеобщего, прямого и равного избирательного права, при тайном голосовании. Войсковой Круг считает, что это право - самому решить свою судьбу - есть неотъемлемое достояние русского народа, оправданное его страданиями, и не Допускает мысли, чтобы кто бы то ни было и каким бы то ни было способом посягнул на это право.

4. Непременными условиями будущего устройства России Круг считает: а) государственную автономию с правом законодательства по вопросам местного значения и правом заключения областных политических, экономических и национальных союзов, б) правовой порядок, действительно обеспечивающий гражданские свободы, огражденный законом и системой управления.

5. Неотложной задачей строительства жизни на местах, по мере продвижения боевых сил за пределы Войска, Войсковой Круг считает принятие всех мер к незамедлительному восстановлению там нормального правопорядка, основанного на законе, с отменой исключительных положений и восстановлением органов Земского и Городского самоуправления.

Непременным условием такого строительства жизни на местах Круг считает организацию временной до Учредительного Собрания Всероссийской власти, в которой принимали бы участие государственные образования, ведущие активную борьбу за восстановление России.

6. Очередной задачей рабочего законодательства, строительство которого должно проходить в сотрудничестве с рабочим представительством, Войсковой Круг ставит повышение производительности и обеспечение труда от эксплуатации государством или капиталом. В частности основания рабочего законодательства Войсковой Круг полагает: а) право профессиональных союзов для обеспечения экономических интересов рабочих, б) 8-ми часовой рабочий день в фабрично-заводских предприятиях, в) учреждение примирительных камер и промысловых судов, г) развитие государственного страхования рабочих, д) охрану здоровья трудящихся, в частности, женщин и детей, и е) борьбу с безработицей.

7. Круг уже принял закон о земле, утвержденный на принципе, что земля принадлежит трудящимся на ней, и отчужденные земли крупного и среднего частного землевладения выделил в особый фонд для наделения землею малоземельного и безземельного казачьего и коренного крестьянского населения Войска.

Убежденный в исключительной политической важности земельной реформы Круг считает недопустимым решение земельного вопроса за пределами Войска в форме возвращения дореволюционных земельных отношений или ликвидацию земельных отношений революционного времени в порядке административных штрафов и взысканий.

8. Коренное крестьянское население Области Войсковой Круг мыслит, как полноправный в гражданском и политическом отношении элемент, и озабочен вопросом об обеспечении его права на участие в самоуправлении и законодательстве.

9. Неотложной ближайшей заботой Войсковой Круг считает заключение в кратчайший срок Юго-Восточного Союза, в первую очередь с Терекком и Кубанью, для укрепления экономической мощи края и утверждения кровью добытых автономных прав, при дружном боевом сотрудничестве с Главным Командованием Юга России в деле осуществления общих задач по воссозданию единой, великой Родины - России.

10. Разработку законопроектов по содержанию настоящей декларации Круг поручает Правительству и Комиссии Законодательных Предположений Войскового Круга.

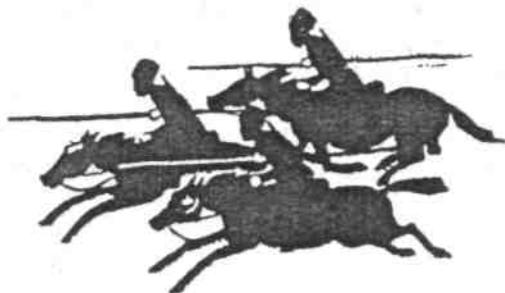
Председатель Войскового Круга **В. Харламов.**
Секретарь **Ф. Крюков.**

В наше время, особенно, в сегодняшние суматошные дни, когда российская эмиграция всё еще продолжает искать путей объединений, соединений, возглавлений, идеологий, политических платформ и прочего такого, напоминание вышеизложенного кажется нам не лишним. Уже указывалась схематичность «Основных Законов», и даже в соединении их с «Декларацией», искушенные в политике люди, возможно, найдут в них провинциализм, даже кустарность. Да, конечно, римское право, кодексы Наполеона, Сперанский и Фолианты Свода Российских законов!..

Но вот, нам мнится: не только казаки всех казачьих войск, Духовно, да и кровно, связанных друг с другом, но и российские люди, кому дороги христианство и человечность, свобода к правда, не смогут отмахнуться от этого скромного, простого казачьего законодательства и государственности.

Хотя бы уже только потому, что за ними стоят вековые неписанные законы, по которым жило казачество сотни лет до теперешних демократий, а эти «основные» - написаны буквально на поле страшной, беспощадной брани, в эпоху, начавшуюся выстрелом Каледина и еще не кончившуюся петлей Краснова, ибо еще будут и выстрелы, и петли, потому что казачество, готовое примириться со многим, никогда не примирится с рабством.

*«Казачий Союз»,
г.Париж (Франция),
№9, 1951 год.*

Портрет Ермака

Почти сто лет тому назад, в 1870 году, в С.-Петербурге была устроена большая выставка «Портретов известных лиц». А.М.Лушев сделал фотографии почти всех портретов и наклеил их в два объёмистых альбома. Фотографии, по тем временам, были удачны, число альбомов было, конечно, крайне ограничено. Едва ли они теперь находимы. Счастливно располагая ими, я позволю себе смелость уйти «во тьму веков».

Среди портретов «известных лиц» находился портрет Ермака. Подумать только: какой портрет Ермака из той эпохи, когда мы не знаем почерка Ивана Грозного, а из его портретов почти ничего достоверного? К сожалению, Лушев, пересняв портреты, не дал указаний ни их происхождения, ни места нахождения, ни мастеров или школы, их создавших. У Ивана Грозного в Москве и у Строгановых на границе Сибири было не одно и то же: у Строгановых было больше полезных «немцев» (т.е. иностранцев), чем у царя в столице. Один Брюннель чего стоит! В Сольвычегодске было легче написать портрет «известного лица», чем в Москве. Но это только предположение, надо перейти к подтверждениям.

В своём классическом труде «Подробный словарь русских гравированных портретов» Б.А.Ровинский (СПб., 1880) описывает девять гравированных (т.е. воспроизведённых с оригинала или повторных) портретов Ермака. Среди них: гравюра Н.Розанова с подписью: ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ, ДОНСКОЙ КАЗАК, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ. Гравюра эта была издана Платоном Петровичем Бекетовым сто пятьдесят лет тому назад. Бекетов, составив план «Портретов знаменитых россиян», будучи очень культурным и богатым, создал на свои средства школу гравёров, его школа награвировала около 300 досок, сам Бекетов выбирал оригиналы для воспроизведений вполне оригинальные. К своей гравюре Ермака он добавил, что сделал её с портрета, привезённого из Сибири.

Карамзин описывает Ермака: «Он был видом благороден сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду чёрную, волосы тёмные, кудрявые, глаза светлые, быстрые: зеркало душ пылкой, сильной, ума пронизательного».

Всё это совпадает с портретом Ермака. Дальнейшие заочные изображения это подтвердили: начиная с памятника ему в Новочеркасске и кончая народными картинками (лубками).

*«Родимый Край»,
г.Париж (Франция),
№30, сентябрь-октябрь 1960 года.*

<Из архива Н.Н. Туроверова>

«...Мой экслибрис взят с золотой пластинки, раскопанной на восточном побережье Азовского моря. Это священный олень сарматов - аланов - осетин. Тур - золотые рога, которым поклонялись мои предки. Отсюда и моя фамилия. Об этом упоминает Геродот -5-й век до Р.Х...».

Из письма Н.Н. Туроверова известному поэту казачьего зарубежья, донскому казаку Н.А. Келину (ФРГ), - 22 апреля 1966 года.

С. С. Суворовъ, Графъ Римницкій

**ГЕНЕРАЛСКОМУ КНЯЗЮ РУССКОМУ
ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬВИЧЪ
СУВОРОВЪ-РИМНИЦКОМУ**

ВЪ МОСКВѢ ВЪ ПЕЧАТН. ДѢЛ. КАНЦЕЛ. С. ПЕТЕРБУРГА
ВЪ ТИПОГРАФИИ С. С. СУВОРОВЪ-РИМНИЦКОМУ
ВЪ ГОДЪ 1812

ВЪ МОСКВѢ ВЪ ПЕЧАТН. ДѢЛ. КАНЦЕЛ. С. ПЕТЕРБУРГА
ВЪ ТИПОГРАФИИ С. С. СУВОРОВЪ-РИМНИЦКОМУ
ВЪ ГОДЪ 1812

Конец Суворова

1

Швейцарские горы оставались позади, спускаться был тяжело. За ночь ветер сдул снег в лощины, на скалах остался слой льда. И люди, и лошади скатывались вниз по скользкому откосу, иные срывались в стремнины, слабые ложились и не поднимались, те, кто хотел отдохнуть, садились на ледяные уступы и засыпали вечным сном, в лицо дул холодный ветер с дождем и снегом, одежда обледенела.

Со дна пропасти предстоял новый подъем на обледенелый утес, напротив которого ревел водопад, низвергая пласты снега. Армия давно потеряла порядок, полки перемешались, каждый шел там, где ему казалось удобным.

Суворов в круглой, с широкими полями, капутинской шляпе и в синем обветшалом плаще, который вся армия называла родительским, ехал на небольшой серой казачьей лошади, два дюжих, высоких казака поддерживали его с обеих сторон, лошадь вел под уздцы старик-доброволец Антонио Гамма, Суворов порывался вырваться из казачьих рук: «Пустите меня, пустите, я сам пойду!». Казаки молчали, только изредка кратко и сердито отвечали: «Сиди!».

Подъемы и спуски становились отлогими, снег и лед сменила невылазная грязь, ветер прекратился, закурились мгла и густой туман. В глубокой лощине оказался лес, все бросились разводить костры, но сырая мгла гасила огни, горький дым расстилался по земле. У редких костров толпились люди, сухари давно были съедены, кой у кого были еще остатки воловьей кожи, намотанная на шомпола, она чадила в огне, - ее ели полусырой, другие раскапывали корешки растений.

На следующее утро, в тумане, войска собрались в деревне Панике, а немного погодя дошли до городка Иланца. Здесь, наконец, добыли дров, обогрелись, и 27 сентября потянулись к городу Куру. Все - без различия, генералы, офицеры, солдаты и казаки, были оборваны, босы, голодны, изнурены, но впереди был близкий отдых.

Суворов крупной рысью обскакивал полки и весело кричал солдатам:

- Здравствуйте, чудо-богатыри, витязи земли русской, здравствуйте!

- Здравия желаем, отец, батюшка Александр Васильевич! - вырывалось у всех, громкое «ура» летело за Суворовым; грянули песни.

Швейцарский поход был окончен.

Из 20000 русских войск, выступивших из Италии, через 17 дней дошли до города Кура меньше 15000, приведя с собой 1400 пленных французов. Больше 1600 было убито, упало в пропасти и замерзло, 3500 раненых было оставлено на милость врага в Гларисе и Муттентале, потеряны все пушки и обоз. В Швейцарии снова властвовали французы, парижские газеты сообщили, что Souvarov, «непобедимый варвар, погубил половину своей армии и ретировался со стыдом и яростью в сердце».

В Куре Суворов узнал о разгроме Массеной Римского-Корсакова под Цюрихом. Корсаков потерял 26 орудий, 9 знамен, огромное число убитых, раненых и пленных, - в одном Цюрихе осталось больше 5000 человек и среди них три генерала.

Суворов ужаснулся. Еще когда остатки его армии бедствовали на ледяных склонах Ринген Копфа, он обдумал план нового вторжения в Швейцарию: реванш, реванш - прямо на Франш-Контэ, десант в Вандее, восстание в Нидерландах, гидра должна быть раздавлена в своем логове - в Париже.

«Но с кем теперь идти? - Суворов склонился над разостланной на столе картой. - С цесарцами-австрийцами? Изжили нас из Италии, губили в Швейцарии, безвольный цесарь Франциск, всемогущий Тугут, во главе венского гоф-кригс-рата, - его предрассудкам, без ответа Богу, нельзя следовать: вяжет из всех четырех углов, хочет управлять за тысячу верст! Потерял Нидерланды, Швейцарию, Рейн, и преклонил колени перед Бонапартом. И всё Тугут, и везде Тугут - сова в темном гнезде, подъяческие: мерере, бетрехтлих, и другие двулички. Пришли в Биллинцоп... лошаков нет, лошадей нет, а есть Тугут, и горы,

и пропасти, но я не живописец, - пошел и прошел. Видели и французов, но всех пустили под такую мать холодным ружьем, по колено в снегу. Массена проворен, да не успел...».

Суворов сел на стул, задумался, закрыл глаза: так с Бонапартом и не столкнулся. А его ребята не цесарцам чета, - даром, что молодо-зелено! Моро, Макдональд, Виктор, Удино, Мортье, Сен-Сир, Груши, Лекурб, - ему розу подарил, - со всеми познакомился, кой-кого в полон захватил. А Жубер? Молодой человек приехал поучиться: под Нови, на коне, в рядах пехоты: en avant! Пулей наповал, - солдат в пятнадцать лет, генерал в двадцать четыре года. Жаль, жаль!

Так и не привел Господь встретиться с Бонапартом.

Суворов открыл глаза, встал со стула и подошел к окну. Через улицу, на большом дворе, фельдфебель багратионова полка раздавал егерям винные порции, егеря стояли очередью, в затылок, передний егерь с перевязанной головой выпил водку и, не передавая чарки очередному, протянул ее снова к фельдфебелю, что-то говоря и показывая на свою голову, фельдфебель засмеялся и налил снова. Засмеялся и Суворов: ему захотелось выпить водки, но он сейчас же отскочил от окна и заметался по комнате: «А под Цюрихом худо и Лаватера ранили... Цесарцы под Мангеймом, Тугут везде, Гоц нигде... Геройство побеждает храбрость, терпение скорость, рассудок ум, труд лень».

Из-за двери высунулся Прошка:

- Чего изволите?

- Реляция, реляция! Беги за господином Фуксом. Через полчаса заспанный статский советник Фукс (он спал четырнадцать часов подряд, всё еще не веря сквозь сон теплу и покою) не успевал писать за диктующим Суворовым о Швейцарском походе.

«...Генерал Дерфельден мужеством своим оживотворял воинов, непоколебим был среди опасностей, неутомим и благоразумен в распоряжениях.

Розенбергу предоставлена была слава отмстить Массене за победу его в Швейцарии, Розенберг заманил его в долину, выждал, ударил в штыки, поразил и рассеял. Сей подвиг совершился под Мутенталем.

Генерал Ребиндер отличился при Урзене и Алдорфе, при Мутентале отнял пушки у неприятеля, разя его штыками.

Швейковский неустрашимо предводил вверенною ему частью войск.

Милорадович, начальствуя передовыми войсками генерала Розенберга, с неизменной быстротой разил и гнал врага. Необычайная горная война возбуждала в нем новую отважность. При случае, спустился на спине с утесистой горы.

Генерал Мансуров отличился быстротой на высотах Урзена, разил врагов штыками и овладел Тейфельсбриком, сиречь - Чёртовым мостом.

Князь Багратион, начавший подвиги на полях Итальянских, озарился новою славою и на высотах Альпийских.

Вожди донцов, Денисов и Курнаков, находясь по крыльям полков и впереди, разили врагов, множество брали в плен и везде быстрым появлением наносили ужас...».

Суворов в числе отличившихся упомянул и о своем сыне: отцу сладостно видеть полет сыновий! Упомянул и о статском советнике Фуксе, препоручив его высочайшему вниманию. Фукс порозовел, еще до назначения Суворова он был при армии для ограждения ее от тлетворных влияний якобинцев, но влияний не обнаружилось и остался Фукс при Суворове по письменной части.

Реляция была закончена. Суворов приказал Фуксу намекнуть Гавриле Романовичу Державину через письмо к Резанову о том, что переход Альпов достоин восторгов нашего барда:

- Ужели он не вострубит? Русские оправдали изречение Ломоносова:

Где только ветры могут дуть,
Там пролетят полки орлины.

Альпы за нами, Господь перед нами! Русские орлы облетали орлов римских! Где проходит олень, там пройдет русский солдат! Как бы это в стихах?.. А скажи, господин статский советник, как по-латыни пословица: «Поэты рождаются, а ораторы делаются?».

Фукс ответил:

- Poetae nascuntur, oratores fiunt.

Суворов засмеялся:

- Жаль, что нет на латинском языке и этой: «Одни генералы рождаются генералами, а другие делаются...». Первых видел я на передовых постах со штыками и саблями, а последних на паркете перед кабинетом, полотёрами и несменными стражами. А мундиры у тех и у других одинаковы. Однако, покойной ночи, господин Фукс.

2

Только через месяц, в двадцатых числах октября, было получено в Петербурге известие об исходе Швейцарской кампании. Император Павел вздохнул облегченно. Его беспокойство за армию, за Суворова, за сына - великого князя Константина, находящегося при армии, было жестоко и мучительно. Австрийский император просил помощи - он дал своих солдат; просили полководца - он дал Суворова. Но честность и бескорыстность Европе смешны: «Политика есть гнилое яйцо», - прав Суворов, погибающий теперь в Альпийских громадах. Русский мавр сделал свое дело в Италии - мавр может уйти в швейцарскую ловушку. Кругом обман, лицемерие, эгоизм, трусость и жадность; народ народу - волк, какое там рыцарство Мальтийского креста? Император тревожился и негодовал: было приказано не служить больше молебнов о цесарских победах, курьерам к Суворову не заезжать больше в Вену, объявить Кобенцелю, что русский государь не обязан делать, что угодно Тугуту.

«Вы должны были спасти царей, теперь спасите русских воинов и честь вашего государя. Главное - возвращение ваше в Россию и сохранение ее границ», - писал император Суворову в альпийские снега, в неизвестность... И вот только в конце октября пришла, как бы с того света, суворовская реплика - Швейцарский поход был окончен, император вздохнул облегченно, честь России была спасена! Награды каждому - там все герои, награждать Суворова, казалось, было

уже нечем, - император пожаловал его генералиссимусом⁸, сказав при этом Ростопчину, что другому это было бы много, а Суворову мало: он достоин быть ангелом! *«Побеждая повсюду и во всю жизнь вашу врагов отечества, - писал к нему император, - не доставало вам еще одного рода славы: преодолеть самую природу, но вы и над нею одержали ныне верх... Награждая вас и ставя на высшую степень, уверен, что возвожу на оную знаменитейшего полководца сего и других веков».* Академии наук было приказано проектировать статую нового генералиссимуса. Козловский, автор Геркулеса на коне и Кариатид Павловского дворца, представил проект: Суворов, в виде рыцаря, закованного в латы, прикрывает российским щитом жертвенник с римской и сицилийской коронами и папской тиарой; проект, изображавший грациозного бога войны, но не Суворова, вызвал восхищение и был одобрен, приказано было приступить к работам. Военной коллегии повелено было вести с Суворовым переписку не указами, а сообщениями.

Над Петербургом гулял ледяной ветер. Державину, прогуливавшемуся вдоль темной и тяжелой Невы, нажгло холодом уши, колючий снежок слезил глаза, - старик зажмурился, вдохновился: на Альпах тот же ветер и снег, но только трагичнее, трагичнее - там пропасти, водопады, Сен-Готар... *«Хочет ад»,* потом какой-нибудь там «пар», и... *«нахмурясь, смотрит Сен-Готар»*... Державин распахнул навстречу ветру шубу и

⁸ Суворов был третьим русским генералиссимусом. После него (до Сталина) генералиссимусов не было. До Суворова, «сей чин коронованным главам только надлежащий, а наипаче тому, чье есть войско» (устав Петра Великого) был пожалован Меньшикову, благодаря помолвке его дочери с Петром 2-м, и супругу правительницы Анны Леопольдовны, принцу Антону-Ульриху Брауншвейгскому, получившему этот титул вместо Миниха (прим. автора).

заторопился домой - успеть бы записать:

...Ведет под снегом, вихрем, градом,
Под ужасом природы всей!..
Но россу что и где преграда?
С тобою Бог! — И гор громада
Раздвиглась силою твоей...

Уже входя в дом, Державин забормотал:

Отныне горы в век Альпийски
Пребудут россов обелиски!

От Швейцарского похода Петербург возликовал, а Европа походу удивилась. Газеты были переполнены былями и небылицами о Суворове и его армии. Было сообщено, что генуэзский антиреволюционный комитет будто бы предлагал Суворову семь миллионов франков за изгнание французов с Ривьеры, на что, якобы, Суворов и ответил письмом; приводилось и его письмо, полное восхитительного вздора:

«Возвышеннейший, могущественнейший, превосходительнейший господин, граф Суворов, слуга Божий и угодника Его Николая Чудотворца, кавалер орденов Тигра, Скорпиона, Барса и Св. Александра Невского, главнокомандующий австро-русскими войсками в четырех частях света, поборник царей, разрушитель республик, архимандрит и епископ греческой церкви, архикатолик и прочая, и прочая, и прочая...».

Во Франции Суворова считали чудовищем с наружностью обезьяны и душою кровожадного пса, и пугали детей переименованным именем этого монстра Souwarou, вместо loup garou. Бонапарт, бросив свою армию в Египте, поспешил во Францию, дела в Италии шли из рук вон плохо: этот старый скиф «с душою великого полководца» наделал хлопот.

«Qu'avez vous fait de cette France que je vous ai laissée si florissante? Je vous ai laissé la paix, j'ai retrouvé la guerre. Je vous ai laissé des victoires, j'ai retrouvé des revers. Je vous ai laissé les millions de l'Italie et j'ai retrouvé partout la misère», - неистовствовал Бонапарт в Париже. Правители Франции только чесали затылки... Австрия теряла последние надежды удержать при себе русские войска; расстаться с Суворовым она была, пожалуй, непрочь; Суворову был пожалован большой крест Марии Терезии (хотя в гоф-кригс-рате и спорили: не слишком ли велика награда)... *«В Вене ваше последнее чудесное дело удостоивают названием belle retraite; если бы они умели так ретироваться, то давно завоевали всю вселенную»*, - писал Суворову язвительный Ростопчин.

Всё это было хорошо и утешительно, но не очень. Суворов отлично понимал неполный успех Итальянской кампании и вынужденность Швейцарской; кампании были славные и блестящие, они поражали воображение, а Швейцарская трагедия была достойна Шекспира, но у Суворова в прошлом всё было славно и блестяще. Не за этим он приехал сюда, почти похоронив себя в Кончанской опале, на исходе своих семидесяти лет: изгнание французов, искоренение крамолы, восстановление престолов, торжество религии, - всего этого на деле не оказалось, оставалась русская слава, но она никогда не покидала Суворова - он к ней привык: слава, слава, слава -мы русские, какой восторг! Однако, вот бил французов, да не добил, вместо Парижа - охрана цесарских границ, двоевластие с эрц-герцогом Карлом, требующим планов новых операций, присылающим свои планы, замучившим перепиской, просьбами о свидании. Какое там свидание (*«юный эрцгерцог Карл хочет оволиебить меня своим демосфенством»*), когда вся русская армия нескрываемо ненавидит цесарцев, а великий князь Константин не подает их генералам руки; какие там планы новых операций, когда собранный 7 октября в Линдау русский

военный совет единогласно решил: «*кроме предательства, ни на какую помощь от цесарцев нет надежды, ради чего наступательную операцию не производить*». Домой, домой! Но Суворову все еще казалось: вот-вот что-то изменится - есть же правда на свете, - подчинят ему герцога, присоединят его войска, развяжут руки: иди, куда знаешь и как хочешь. У Суворова был свой план - краткий, ясный, простой: в ноябре быть в Лионе, Новый год встретить в Париже. Но время шло, ничего, кроме переписки с герцогом, не было: переписка принимала личный характер, - обе стороны впадали в крайности. Предполагаемый Суворовым отход русской армии на зимние квартиры в Баварию герцог назвал отступлением, Суворов рассвирепел: «*Во всю жизнь свою не знал я отступлений и обороны, а ваше оборонительное положение в Тироле стоило вам свыше десяти тысяч солдат!*». Это было последним письмом Суворова к эрц-герцогу Карлу.

За три дня до этого, 18 октября, Егор Борисович Фукс, красный от недоумения, перевел на французский язык прощальное письмо Суворова к герцогу:

«Завтра двинусь я на зимние квартиры между Иллером и Лехом. Наследственные владения должны быть защищаемы завоеваниями бескорыстными, для этого нужно привлечь любовь народов справедливостью, а не покидать Нидерландов, не жертвовать двумя прекрасными армиями и Италией. Вам говорит это старый солдат, который почти 60 лет несет уже ляжку, который водил к победам войска Иосифа 2-го и Франца 2-го, который не любит болтовни демосфеновой, ни академиков, путающих здравый смысл, ни сената Аннибалова. Я не знаю зависти, контр-маршей, демонстраций, вместо этих ребячеств - глазомер, быстрота, натиск - вот мои руководители...».

Письмо было длинное и странное, - трудное для перевода. Суворов тщательно проверил его, особенно слова: глазомер, быстрота, натиск, - *coup d'oeil, célérité, impulsion*, и мелко, четко, черно (он всегда писал тушью) подписал: «*Monseigneur, de Votre Altesse Royale le très humble et très obéissant serviteur prince Italiski comte Alexandre Souworow-Vdminiksky*». Свернул в конверт, свернул в конверт, взял свою обычную печать, на которой скрещенные шпага и стрела были окружены знаменами, пушками, литаврами и орденами, но раздумал, и взял другую, заветную, изображающую гору с отскакивающими от нее стрелами и надписью: «*Рази, рази - мать твою в п...ду*»⁹. Подышал на печать и крепко приложил ее к сургучу. Фукс только ахнул.

В конце октября Суворов перевел свою главную квартиру в Аугсбург; правее стал корпус Дерфельдена, левее Розенберга, в первой линии, по Иллеру, расположились казаки. Русская армия стала на зимние квартиры. Было время. Над Баварией кружился снег. Союзные войска расстались, чтобы никогда не встретиться. Последняя Суворовская кампания и его боевое поприще были кончены.

3

Союз России с Австрией распадался. Остаться суворовской армии на зимних квартирах в Баварии, ожидая весны, уже не имело смысла. Суворов перевел в начале декабря свои войска в Богемию и сам переехал в Прагу. Имя Суворова, выросшее в Европе, и особенно в Германии, за Итальянскую кампанию, после Швейцарской, засияло особым блеском, он стал центром общего внимания: всюду на его остановках, в Линдау, Аугсбурге и, особенно в Праге, не было прохода от жаждущих возможности хотя бы взглянуть на русского фельдмаршала, общее почтение к нему граничило с благоговением - дамы добивались чести поцеловать его руку.

Отблеск суворовской заграничной славы отразился в России двойным светом, и император Павел в то время был подлинным представителем национального настроения, когда писал Суворову: «*Не мне тебя, герой, награждать, - ты выше мер моих*»; посылая новогодние пожелания, император просил Суворова поделиться ими с войсками, если он - император - «того стоит», так как его единое желание «быть достойным такого воинства».

Император Франц, как бы в свое оправдание, заверил Суворова в своей

⁹ Эта печать находилась потом у генерала Ермолова.

признательности, оставив ему пожизненно звание австрийского фельдмаршала с жалованьем в 12000 гульденов; курфюрст Баварский прислал Суворову орден св. Губерта, а курфюрст Саксонский своего художника Шмидта, поручив ему написать портрет генералиссимуса, что и было исполнено в обстановке весьма необычной. Шмидт был принят Суворовым в Праге, в отведенном ему отеле барона Вимера, к приготовившему уже свой мольберт художнику выбежал маленький, сухенький, слегка сгорбленный старичок с голубыми прозрачными глазами, гладко выбритым морщинистым лицом и непричесанными редкими, седыми волосами, старичок был в исподнем белье; полупьяный Прошка с двумя большими шейными золотыми медалями на зеленых лентах, пожалованными ему сицилийским королем за сохранение здоровья Суворова, торжественно принес стул. Старичок подбежал к Шмидту и очень точно, отделяя каждое слово, заговорил:

- Ihr Pinsel wird Ziige meines Gesichts darstellen, diese sind sichtbar, allein meine innere Menschheit ist verboten. Ich muss Ihnen sagen, dass ich Blut in Stromen vergossen habe - ich erbebe, allein ich liebe meinen Nachsten. In meinem Leben habe ich keinen ungliilucklich gemacht, nie ein Todesurtheil unterzeichne, ein Insect ist von meiner Hand gefallen - ich war klein, ich war gross¹⁰, - Суворов вскочил на стул, постоял на нем и спрыгнул: - Bei der Fluth und Ebbe des Glueks, auf Gott bauend, war ich unerschitterlich, so auch jetzt^{**}, - Суворов сел на стул. «Вдохновляйтесь вашим гением и начинайте», сказал он Шмидту.

Но вдохновляться художнику особенно не пришлось: через четверть часа Суворов убежал. Только спустя несколько дней, на обеде у Милорадовича, Шмидту явилась возможность, украдкой, за столом, зарисовать черты лица генералиссимуса, - это было нелегко: генералиссимус был в прекрасном настроении, ел свою любимую щуку с голубым пером, балагурил и гримасничал; австрийский белый фельдмаршальский мундир и ордена Шмидт дорисовывал на портрете Суворова потом, пользуясь услугами Прошки. Суворов остался доволен портретом^{***}, но запротестовал: «Я сорок лет уже не видел себя в зеркале, но неужели я так постарел и подурнел!». В Праге Суворов получил письмо от Нельсона: *«Любезный князь и брат! В Европе нет человека, который любил бы вас, как я...»*. Английский кумир, адмирал Нельсон прилагал к письму свой гравированный портрет, настаивая на своем сходстве с генералиссимусом. Суворов нашел, что и впрямь они похожи. *«Любезный барон и брат! Я действительно нашел сходство между нами... Победы, славы и благоденствия на новый год!»*, - ответил Нельсону Суворов.

Давно не было так весело в Праге, как в те дни, когда там жил Суворов. Русское офицерство веселилось всюду, вечера и балы следовали один за другим, да и сама Прага, лежащая в уютной котловине, с узкими средневековыми улицами, с Карловым мостом, туманными, мягкими днями, полюбилась русским, особенно шумела русскими голосами пивная Флека - здесь пил пиво когда-то сам Лютер, - подумать только! Никогда еще не казался таким веселым, подвижным и чудаковатым Суворов, никогда так много не ел и не пил он, как в эти пражские дни, едва поспевая с одного приема на другой, не успевая отдыхать от своих приемов в Вимеровском дворце. На святках у Суворова шел дым коромыслом - вся местная знать, среди которой были и граф Бельгард и лорд Минто (оба приехавшие из Вены: последняя попытка удержать русские войска), - должна была водить хороводы, играть в фанты, в жмурки, в жгуты, петь хором русские песни и гадать. В кутерьме и неразберихе первенствовал Суворов, хохоча от души над неспособностью иностранцев веселиться по-русски: в фантах Суворову досталось быть исповедником, все

¹⁰ Ваша кисть изобразит черты лица моего - оне видимы, но внутреннее человечество мое скрыто. Я должен вам сказать, что я лил кровь ручьями. Трепещу, но люблю своего ближнего, в жизни своей никого не сделал я несчастным, не подписал ни одного смертного приговора, не раздавил своей рукой ни одного насекомого, - я был мал, я был велик.

^{**} В приливе и отливе счастья, уповая на Бога, бывал я неколебим так, как теперь.

^{***} Этот портрет пастелью весьма долгое время считался погибшим, только в 1898 г. он был разыскан известным знатоком русской художественной старины Верещагиным и приобретен императором Николаем Вторым.

уходили от его исповеди с веселыми лицами, только у графа Бельгарда вид был невеселый, - накрыв его шалью, Суворов не шутя, очень грустно ему прошептал: «Si on vent faire encore la guerre à la France, qu'on la fasse bien, mais si on la fera mal, ce sera un poison mortel».

Никогда еще так не веселился Суворов, как на встрече нового девятнадцатого века. Казалось, никаких душевных страданий, никаких недомоганий не могло быть у этого жизнерадостного семидесятилетнего старика. Но это только казалось. Сам Суворов чувствовал, что с ним происходит что-то не то. Это «не то» первым заметил неразлучный с Суворовым, с самого Измаила, его вестовой казак Селезнев. Сопровождая в начале января Суворова на смотр проходившего через Прагу гренадерского Тучковского полка, Селезнев увидел, как жидко сидел Суворов в казачьем седле, теряя поводья и хватаясь за луку, как испуганно глядели на Суворова давно его не видевшие гренадеры, а, главное, потому что Суворов ничего не сказал им, а только заплакал, - понял простым казачьим чутьем Селезнев, что Суворову на коня больше не садиться, и заплакал сам. Вернувшись домой, он сказал Прохору: «А наш старик тово... кажись - отвоевался». Заметил и Прошка неслыханную вещь - Суворов стал бояться холода, хотя всячески и скрывал это. Спал он по-старому, на сене, укрываясь простыней и плащом, но, оказываясь при пробуждении ледяной водой, уже не кричал, как раньше, от удовольствия, не хлопал себя по бедрам руками, не прыгал по комнате, а съеживался и синел, зубы его стучали, на глазах стояли слёзы. Прошка стал подавать воду слегка подогретой. Суворова начал мучить кашель, он стал ненавидеть ветер. Однажды ночью он разбудил Прохора и Селезнева, - в громадной приемной откуда-то дуло, и они втроем стали бегать по приемной, ловя ветер.

4

В половине января, отдохнувшая в Богемии суворовская армия двумя колоннами весело двинулась в Россию. Суворов ехал с левой колонной в кибитке. В Кракове Суворову стало худо, жестокий кашель разбивал ему грудь. Местные врачи советовали больному пройти курс лечения на водах. «Помилуй Бог! Посылайте на воды здоровых, богачей, игроков, интриганов, а я болен не шутя, - рассердился Суворов, - мне надобны деревенская изба, молитва, баня, кашлица, да квас». Генералиссимус («Ох, велик этот чин, он меня придавит, -не долго мне жить») затосковал, заскучал по России. Домой, домой: в Петербург, а потом в родное Кончанское! В Кракове Суворов простился с армией, - до нас не дошел его прощальный приказ, - сдал команду Розенбергу и поскакал, в кибитке, дальше, но скакать ему оказалось уже не под силу, Суворов с трудом дотащился до своего Кобринского поместья, пожалованного ему императрицей Екатериной, в Гродненской губернии, и там слёг; императору донес, что останавливается в Кобрине на четыре дня, а остался в польских снегах полтора месяца.

Кобринский господский дом невелик, - суворовской свите тесно, скучно. Трещат дрова в печах, за окнами трещат морозы, порхает снег. Не скучает только Фукс. Державин прославил Екатерину и прославился сам. Теперь черед Фукса прославить Суворова, - Фукс серьезно считал себя писателем: *«счастливым я себя почту, если мне удастся представить Отечеству сего Геня во всем блеске и величии»*. Он состоял при «гении», видел его в боях и походах, вел дневник войны, составлял репортажи, которые правил Суворов, требуя сжатости, ясности: никакой воды! Однако суворовский стиль Фуксу не дался, и представить Суворова отечеству ему так и не удалось, но в эти кобринские дни Фукс не шадил чернил и бумаги. Вспоминая Швейцарский поход, сочинитель распалился: в горах солдаты возроптали, солдаты отказались идти дальше, Суворов приказал вырыть могилу, собрал вокруг нее свое войско и воскликнул: *«Здесь похороните меня, вы более не дети мне - я более не отец вам, мне ничего не остается, кроме смерти!»*. Солдаты устыдились, и двинулись вперед. Багратион, которому Фукс докучал своими ремарками, только фыркнул: «Не было сего и быть не могло!». Фукс обиделся, отложил на время горные ужасы и взялся за Ломбардию, - его записная книжка налицо, - в малом залог

великого! Фукс очинил гусиное перо и крупно вывел:

«ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ СУВОРОВА»

Однажды, в Итальянскую кампанию 1799 года, кончив ввечеру все дела свои по службе, вздумал я составить дневную записку и описать в оной все происшествия Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского (он тогда еще не был Князем). Хотя день сей был и не достопамятнейший, но я не виноват: я избрал его потому, что имел несколько досугу, а сие случалось редко. И так, вот опыт журнала одного дня.

День начался, как и всегда начинался: в четыре часа по полуночи вбегают ко мне камердинер его, известный Прошка, и - запыхавшись, кричит: «Пожалуйте к Графу!». Через десять минут пришел я к нему. Он уже встал с соломенного своего ложа, помолился Богу, окатился холодной водою и прокричал несколько слов по-турецки. Он был одет в белой австрийской куртке, но старые сапоги свои и чулки опускал необыкновенно. Он спросил меня, будет ли Лорд Бентинк у него обедать? Я ему отвечал, что пригласил его. После сего, перекрестясь, сели мы за столик и принялись за работу. Я читал ему разные донесения, письма, приказы, реляции и проч. Он вслушивался со вниманием, взвешивал каждое слово на русском, французском, немецком и итальянском языках, советовал иное поправить, а иное выпустить, иное прибавить. Шутки и странности исчезли. Опытность, начитанность, предусмотрительность, глубокомыслие и память его удивляли меня всегда. Не прежде вставал он, как по подписании всех бумаг и выслушании всех докладов. Всегда был он весел, когда подносил я ему много представлений к наградам, и тогда обнимет и перекрестит меня, повторяя свою аксиому: «Добро делать спешить должно!».

Сегодня кончили мы дела в семь часов утра, и он кликнул Прошку. С сим именем оканчивалась его важность. Он начинал бегать, скакать, кричать, вертеться, помышлять об обеде и порываться выбежать к гостям, от чего я его удерживал, уверяя, что еще не все собрались. Наконец, в 8 часов, он выбежал и стал каждого обнимать и целовать. Пока он еще водки не выпьет, представлялись ему обыкновенно новые лица. Я подвел к нему 18-летнего комисариатского офицера, отправляющегося за покупкою 5000 пар сапогов для армии. Он его обнял и вскричал: «Спасай Европу!». Юноша вспыхнул и убежал. Италиянец-стихотворец, в шелковом кафтане, со всеми комплиментами поднес ему поэму «Освобожденная Италия». Он обнял, прижал к груди поэта, поизмял

его букли и воскликнул по-итальянски, с переводом каждого периода на русский язык: «Как! вы, питомец Аполлона, поёте меня, мальчика в отечестве Тасса! Стою ли я того? Слышали ли вы, что и Север имеет Державина? Его недавно сравнили с Анакреоном, но я за него вступился. Для певца любви и вина довольно тихозвучной лиры: для славопевца - труба! Она со славой неразлучна, надобно, чтобы звуки ее раздавались в дальнейшем потомстве, для которого мы живем. Она воскресит нас!». Потом велел он, как обыкновенно, читать вслух: «Отче наш». По окончании молитвы, повторил: «Кто аминь не сказал, тому нет водки!». Выпив полстаканчика оной, просил он всех садиться за стол по чинам. По левую сторону подле него садился обыкновенно майор Румянцев, распорядившийся блюдами. Первые места заняли генералы: от инфантерии А.Г. Розенберг и австрийский, от кавалерии, «папа» Мелас, Haute Excellence, так называл он его. Мне приказано было сидеть вместе с сыном Парнаса, и толковать ему, что «Поэт» и «поёт» у нас одно и то же. Я радовался, что мой сосед, называя Графа Александра Васильевича великим феноменом природы, пресыщался лучами гения, ибо стол наш был очень скуден и невкусен, а особливо в постные дни. Едва уселись мы, как граф изъявил свою радость, что у него обедают два Высокопревосходительные. Он заставил Меласа выговаривать по-русски свой титул: **Высокопревосходительство**. Неповоротливый язык дрожащего осьмидесятилетнего старца не мог преодолеть камня преткновения в нашем Ю. Он утомлялся и потел: это подало графу повод говорить о богатстве нашего алфавита, о богатстве русского слова, - что славянский язык, происходящий от славы, есть наш Перу,

но что, к сожалению, бросили мы отрывать сокровища. Всё сие говорил он на немецком языке весьма ясно и плавно. Подали говядину, довольно худо изготовленную. «Поподчуйте побольше Лорда Бентинка. «Вы, - обратись к нему, - как знаток, можете судить о доброте сего ростбифа. Люблю землю, где рождаются Дюки Портланды и Лорды Бентинки». В продолжении разговора с Бентинком поднимал он беспрестанно опускавшиеся свои чулки, как будто чтобы показать, что у него нет подвязки¹¹. Не знаю, понял ли тот. Погодя немного, начал он смыкать глаза, смеяться, кривляться и обводить перстами лицо. «Это, - сказал он, - лекарство от обморока». Потом обратился ко всем и говорит: «Военному человеку надобно знать языки тех народов, с которыми ведет войну. В Турции я выучился по-турецки, в Польше по-польски, в Финляндии по-чухонски». Тут декламировал он чухонскую песню и хвалил гармонию сего языка. Он говорил с Милорадовичем о военных добродетелях, и приказал ему со мною сделать разбор слов: *Vaillance, valeur, courage* и *bravouere*. Мы обещали.

Долго смотрел Граф Александр Васильевич пристально на соседа моего, италиянца, держа, по-ихнему обыкновению, палец под глазом. Вдруг спрашивает его: «О чем вы думаете?». Поэт, восхищенный сим вопросом, со всеми каррикатурными кривляньями отвечает: «Воображение мое переселило меня шатер Агамемнона, где сижу в совете греческих полководцев, и как будто уже вижу падение Трои и торжество Эллады». Ответ графа ему был по-русски, а Милорадовичу и мне велено было перевести оный на италиянский язык. Оба мы, признаюсь, очень плохо тогда знали сей язык, но, чтобы не попасть в немогузнайки, переводили с потом и отважностью. Вот что граф приказал ему пересказать: «Я давно знаю Гомера. Но короче познакомил меня с ним на природном нашем языке приятель мой Ермил Иванович Костров. Люблю Гомера, но не люблю десятилетней Троянской осады. Какая медленность! Сколько бед для Греции!.. И Оссиан, мой спутник, меня воспаляет, я вижу и слышу Фингала в тумане, на высокой скале сидящего и говорящего: «Оскар, одолевай силу в оружии, щади слабую руку! Честь и слава певцам! Они мужают нас!». Потом, обратись к «папе» Мела-су, граф спросил его: «Давно ли была Троянская война?». Сей, страшась нихтбе-штимтзагерства-немогузнайства, отвечает: «Тысячу лет до Рождества Христова». - «Ах, помилуй Бог! Как давно начинается не эпоха, а эра военного нашего искусства! Как она веками усовершенствовалось! Как оно в наши века исказилось! Запиши это, - обратись к мне: - Любят посредственность, не терпят таланта, потому что сей не охотник до узды». Я сие исполнил, карандаш и записная книжка всегда были при мне.

Милорадович рассказал анекдот, как два наши солдата были поставлены в Германии на квартиру к одной старушке, которая угаживала их, как мать. Тронутые ее ласкою, солдаты изъявили ей знаками свою благодарность, но, заметя, что она их не понимает, вскричали: «Куда, старушка бестолкова? Кажется, говоришь ей и по-польски, а она всё нихт-фер-штеен. Знаешь ли, брат, - сказал один, - наденем мундиры, отдадим нашей кормилице честь к ноге! Тотчас оделись, вытянулись и прокомандовали: «К ноге!». Старушка расхохоталась.

Начался разговор о последнем бале. Граф сожалел очень, что не было здесь какой-то Марьи Михайловны, первой плясуньи в его Боровицком уезде, которая всех здешних дам помрачила бы. Потом начал он шутить, - что часто делал, - на счет моей храбрости и неустрашимости: «Нет, помилуй Бог, он храбр, как его шпага!». Тогда я снял свою маленькую статскую шпагу, положил ее на стол и сказал: «Вот она!». Неожиданность сия произвела продолжительный хохот.

Адъютант Меласа майор Экарт ударил себя по лбу, чтобы согнать муху. «Ах, помилуй Бог!» - вскрикнул, испугавшись, граф: - Не убили ль вы мухи?». - «Нет, - отвечивал Экарт, - я ее согнал». - «Спасибо вам, не должно убивать бедных малюток: они ищут пищи. Есть и миролюбивые фельдмаршалы, но те опять никуда не годятся».

Утомясь за столом, за которым просидели мы почти три часа, начал граф дремать.

¹¹ Известно, что он желал иметь английский орден Подвязки.

Прошка толкал его в бок, говоря ему на ухо: «Пора, сударь, спать!». Он кивал головой. Просидев несколько минут в задумчивости, раскрывает глаза и говорит: «После громов оружия музы меня усыпили». Перекрестился, вскочил, побежал в другую горницу и стремглав бросился в солому.

Просидев три часа за обедом, все пустились искать обеда.

В шесть часов пополудни пришел я с Милорадовичем к графу. Он уже с час проснулся. Мы нашли у него большое собрание. Он бегал из угла в угол, шутил, многих называл фармазонами, которые водятся с духами, чернокнижниками, чародеями. Проскакав несколько раз по горнице, остановился пред австрийским генералом Крейцом. Сей, не зная как начать разговор, придумал сказать, что был некогда в переписке с Князем Потемкиным, сим великим человеком. «Как вы его назвали? - подхватил граф: - Великим человеком или человеком великим: un grand homme ou un homme grand? Он был тот и другой, велик умом велик и ростом!». Крейц удивился умению графа электризовать каждое войско. «Безделица! - воскликнул граф: - Помни, что ты человек, что подчиненные твои такие же человеки и твои братии. Люби солдата и он будет любить тебя. Вот вся тайна!».

Видя, что не будет конца разговорам, и желая сбыть приготовленные доклады, подошел я к нему с напоминанием, что пора заняться работою. Тут он на меня раскричался, назвал меня грубияном, жаловался, что разлучаю его с приятелями и склоняю к ненавистной **ретиграде** (сие слово он произносил всегда зажмурясь и с насмешливым протяжением). «Но накажите его, - говорил он всему собранию, - останьтесь здесь и дождитесь моего скорого из блокады возвращения».

Едва лишь за порог, как настала тишина. Только перед чтением пенял он мне, что не увел его раньше. Я читал бумаги, он слушал внимательно и подписывал. В заключение я прочел ему реляцию о Новиском сражении. Ему чрезмерно понравились следующие слова: *«Таким образом продолжалось 16 часов сражение упорнейшее, кровопролитнейшее и в летописях мира, по выгодному положению неприятеля, единственное. Мрак ночи покрыл бегство врагов. Слава победы, дарованная Всевышним оружием Твоему великий Государь, озарится навеки лучезарным немерцающим светом»*. Выхватив у меня реляцию, выбежал в другую горницу и заставлял многих читать сие место, повторяя беспрестанно: «Как кудряво написано!», - после возвратился и уселся. Кончив все официальные бумаги, читал я ему всегда газеты и журналы, которые тогда наполнены были его именем: старика это тешило. В 10 часов вечера всё кончилось. Он меня поцеловал и благословил.

Фукс написал свое сочинение в один присест и остался им очень доволен. Но читать его Багратиону не решился, -Багратион не жаловал писательских длиннот: из Итальянской кампании он привез три раны, да копии суворовских писем, собственноручно им переписанных.

5

Болезнь, которую Суворов называл «фликтеною», развивалась с каждым днем: сыпь, появившаяся сначала на верхней части тела, перебросилась на ноги, особенно на сгибы, ноги распухли, кашель не давал покоя, желудок не принимал твердой пищи. Суворовский фельдшер Наум лечил больного баней да вареным медом. «Чистейшее моё, многих смертных, тело в гное лежит», - жаловался Суворов. Багратион поскакал в Петербург. Император послал в Кобрино своего лейб-медика Вейкарта. *«Молю Бога, да возвратит Он мне героя Суворова»*, - писал император больному. Вейкарта Суворов встретил враждебно: «В лечении не нуждаюсь, ибо есть лейб-медик фельдшер Наум, первый эскулап в Европе». Большого труда стоило Вейкарту приступить к лечению, при помощи найденных в округе других врачей, из которых Суворов жаловал одного Кернисона. Больному стало лучше.

Подошел Великий пост. Суворов отговелся, заставил отговорить и лютеранина

Вейкарта, посадив его на самую строгую постную пищу.

Из Петербурга пришли вести о готовящемся торжественном приеме генералиссимуса: ему отводились комнаты в Зимнем дворце; в Гатчино должен был его встретить флигель-адъютант с письмом от императора, придворные кареты приказано выслать до самой Нарвы, войска должны были стоять шпалерами по улицам Петербурга, встречая триумфатора барабанным боем и криками «ура», при пушечной пальбе и колокольном звоне, а вечером предполагалась во всей столице иллюминация. Суворову стало еще лучше, - скорее в столицу! Вейкарту едва удалось оттянуть поездку на вторую половину марта.

Суворов был полон судорожной любви к жизни. Он вспомнил вдруг, что ему до сих пор не доставлены три пушки, пожалованные еще императрицей Екатериной, - они необходимы для праздничной пальбы в Кончанском, где он выстроит теперь каменный дом и прикупит у соседки, адмиральши Ельмановой, деревню на берегу Меты: там хорошее купанье. Суворов забеспокоился вдруг, что король неаполитанский забыл дать ему орден св. Януария, что большой крест Иоанна без бриллиантов, что англичане так и не дали ему ордена Подвязки. Желание как можно скорее устроить свои земные дела не давало покою Суворову, он бомбардировал своими поручениями Хвостова, укоряя его в сонливости и в летании за облаками. Но одновременно Суворов составил большую военно-политическую записку о последней кампании... «*tout homme, qui a étudié le génie des révolutions, sera criminel de le taire*», и написал разбор десяти заповедей... «*Будь христианин... Бог Сам даёт и знает, когда дать*».

* * *

Уехавшему из Кобрина Фуксу послал вслед письмо, - кратко и ясно изложил будущему историку-очевидцу всё то, с чем Фукс не мог справиться. Письмо начиналось так:

«Тихими шагами возвращаюсь я опять с другого света, куда увлекла меня неумолимая фликтена с величайшими мучениями. Вот моя тактика: отважность, храбрость, пронзительность, прозорливость, порядок, мера; правило, глазомер, быстрота, натиск; человечество, мир, забвение. Все войны между собою различны. В Польше нужна была масса, в Италии нужно было, чтобы гром гремел повсюду»...

Письмо было датировано восьмым марта, это было одно из последних суворовских писем.

На дворе стояла весна, цвела верба, орали грачи, мартовский ветер гулял над Польшей, когда в дормезе, на перинах, на подушках, закутанный с головы до ног, Суворов двинулся в путь. Свиты у него почти не было: все разбежались от скуки кобринского захолустья.

6

Петербургский генерал-губернатор граф фон дер Пален вел тонкую и страшную игру. Непродолжительное царствование Павла становилось невыносимым: смены безграничного великодушия и слепой ярости становились у него всё чаще и непонятнее: чем выше он возвышался, тем страшнее немилывал, никто не был уверен в завтрашнем дне, благосклонность императора была страшна, как улыбка безумца. Дни Павла должны были быть сочтены, и учетом их занялся граф Пален. Суворов, с его чудачествами, всегда был неудобен при дворе, теперь же он мог быть опасен: его солдатская верность престолу могла смешать все карты тонкой игры. Пален уже докладывал императору, что Суворов в последней кампании неоднократно нарушал установленные его величеством регламенты: солдаты не носили штиблет, унтера изрубили на дрова свои четырехаршинные алебарды, офицеры побросали эспонтоны, а, главное, применялся временами рассыпной строй, что дерзко нарушает устав. Пален намекал императору, что старик зазнался, став кузеном

сицилийского короля, а потому и не торопится в Петербург, где ему готовят триумф, - по заслугам ли? Не прикажет ли еще император, чтобы при встрече на улицах с Суворовым все выходили из экипажей для его приветствия, как это делается для особы его величества?

«Как же, сударь, - ответил Палену император, - я первый, как встречу князя, выйду из кареты».

Но Пален вел тонкую и верную игру. 19-го марта он скорбно доложил императору, что Суворов просит разрешения носить иногда в Петербурге австрийский мундир, - после разрыва с Австрией это было нагло, но, кроме наглости, было и преступное своеволие генералиссимуса: он восстановил уничтоженную императором должность дежурного генерала, таковым при Суворове в Праге состоял Милорадович, известный кутила и ветрогон. Император побагровел... Марта 20 дня, при пароле, был отдан высочайший приказ о дерзком нарушении генералиссимусом устава, а также послан ему рескрипт, требующий объяснений. Грозный рескрипт застал Суворова в бедной литовской избе под Вильно. Генералиссимус лежал на скамейке, покрытый простыней, почти без памяти: дорога изнурила его, он тихо стонал и бредил Италией. Смерть стояла у его изголовья - какие там рескрипты и опалы!

В Риге, на Пасху, Суворов почувствовал себя лучше, он через силу надел на себя мундир, отстоял заутреню и хотел разговляться у губернатора, но это последнее усилие стоило ему дорого: Суворова на руках принесли домой. Раздев и уложив его в постель, Прошка принес фельдмаршальский мундир со всеми орденами на кухню и повесил его на стул, а стул придвинул к столу, на котором лежали крашеные яйца, колбаса, стояла пасха и штоф водки: Прошка разговлялся с казаком Селезевым; теперь между ними сидел как бы сам генералиссимус. Его денщик и вестовой налили себе по стакану водки и сказали, обращаясь к мундиру: «Христос Воскресе, батюшка Александр Васильевич!..». По бородатому лицу Селезнева катились слезы, а пьяница, грубиян и непотребник Прошка заплакал в голос.

20 апреля, в 10 часов вечера, в полумраке начинающихся белых ночей, дормез Суворова, как бы тайком, проехал по Петербургу и остановился у дома Фоминой, что на Крюковом канале, где жили Хвостовы. Все триумфы были отменены, приготовленные для Суворова комнаты Зимнего дворца уже были отданы принцу Мекленбургскому. Одновременно с Суворовым к Хвостовым приехал от императора князь Долгорукий, к больному его не допустили и он оставил записку, в которой значилось, что генералиссимусу не приказано являться к государю.

7

В Петербурге больной Суворов остановился у Хвостовых. Дмитрий Иванович Хвостов, которому Суворов выпросил у сицилийского короля Карла-Эммануила графское достоинство, был женат на родной племяннице генералиссимуса, княжне Татьяне Ивановне Горчаковой. Хвостовы были известны всему Петербургу, граф - своим стихоплётством, графиня - своим французским языком. Граф Хвостов вечно был занят сочинением стихов, которые он писал на все случаи жизни, потом печатанием (конечно, на свой счет) этих стихов, затем их распродажей (стихи скупались самим же графом через подставных лиц) и, наконец, чтением своих стихов всем и каждому, - для прельщения слушателей граф располагал отличным столом и, часто, своим кошельком.

Суворов в один из предсмертных своих дней серьезно уговаривал графа бросить его ужасную стихоманию, граф поцеловал руку генералиссимуса и в слезах вышел в приемную, где все обступили его с расспросами о состоянии больного. «Увы! - отвечал Хвостов: - Хотя еще и говорит, но без сознания, бредит!». Уговоры Суворова оказались вотще, после его смерти Хвостов написал:

...Полвека славой кто блистал,

Кто образец мужей великих –
Суворов средь побед толиких,
Как друг, мой мирный глас внимал.

Графиня Хвостова вечно была занята сватовством и устройством свадебных пиров в своем доме, на которых она, в пудре, кружевах, блондах, атласе и бархате, всегда была посаженной матерью, или, как она выражалась на своем французском языке, *mère assée* (вместо *mère d'honneur*), когда какой-нибудь *Grégoire se marie sur Annette remerciant* (т.е. благодаря) *mes soirées de dimanche*.

Когда ее брат, князь Андрей Горчаков, получил в одном сражении рану в левую икру и был награжден лентой (как тогда говорили — «кавалерией») Александра Невского, то графиня поведала всему Петербургу: «*Mon frère a reçu la cavalerie à travers l'épaule pour avoir été blessé au caviar gauche*».

Но оба, и граф, и графиня, были добры, богаты, благодущны, щедры и гостеприимны, над Хвостовыми подсмеивались но их любили, любил их и остановившийся у них больной Суворов.

Хвостов с давних пор был старательным исполнителем всевозможных суворовских поручений, - он был уже сенатором, - его муза не вредила ему в служебной карьере.

У Хвостовых Суворов слёг окончательно. Приехавшего на второй день Багратиона он узнал с трудом: «А! Это ты, князь Петр, здравствуй!..», и впал в беспамятство. Но временами Суворову становилось лучше, он требовал, чтобы его сажали в кожаное кресло и подкатывали к окну. За окном кончался апрель, небо было высокое, легкое, голубое, оно отражалось в канале и канал хорошел с бирюзовой водой. Суворов бодрился -ах, как ему хотелось жить! - он приказывал открыть окна, в комнату влетал влажный весенний ветер, Суворов, ставший совсем маленьким, шупленьким, блаженно утопал в кресле.

Однажды, когда Суворову было лучше, приехал Ростопчин с орденами св. Лазаря и Богородицы Кармелитской от Людовика 18-го, Суворов сделал вид, что не понимает, откуда присланы ордена: «Из Митавы? - спросил он и добавил: -Король Франции должен быть в Париже, а не в Митаве». Врачи переглянулись - каков старик! Знаменитый доктор Гриф, часто навешавший больного, якобы по поручению императора (что Суворова всегда радовало), потер руки: «Дайте мне полчаса времени, и я с генералиссимусом выиграю любое сражение!».

Но минуты улучшения становились всё реже, обмороки всё продолжительнее. Врачи разводили руками и спорили о характере суворовской болезни уже после его смерти решили, что болезнь называется *marasmus senilis*.

Суворов терял последние силы, ему стала изменять память. Он уже не мог вспомнить лица своей жены, - помнил только ее темный платочек да бедное платье, когда они (он в простой солдатской форме) пришли с ней в церковь на покаяние: мирились и сходились в последний раз, чтобы потом разойтись уже навсегда. Семейная жизнь не удалась, да ее, собственно, и не было: меня родил отец - я должен родить сына! Сын-то хорош, красавец, генерал-адъютант в 15 лет, при дворе свой человек, но тут-то ему и погибель: двор добру не научит, - Аркадий и теперь первый охотник до карт. Дочка же Наташенька, Суворочка, Смоляночка, давно уже графиня Наталия Александровна Зубова. Выросли дети, постарел отец, да и времени-то не было для детей, для семьи, - сроду не амурничал!

Суворов почему-то вспомнил веселую темноглазую графиню Разумовскую, жену венского посла, вспомнил, как при отъезде из Вены подарил ей золотое сердечко на венецианской цепочке, запирающееся на ключик, ключик он спрятал в карман, а сердечко надел на графиню, коснувшись пальцами ее шеи, плеч, груди, и тотчас отскочил от графини, подул, точно от ожога, на свои пальцы. Суворову захотелось и теперь подуть на пальцы - он поднял руку: она была худа, желта до отвращения, он отвернулся и закрыл глаза, - не было личной жизни, и слава Богу!

Всё отдал России, славе российской, солдатам! Они теперь мерещились Суворову непрестанно: веселыми зубоскалами на походах и бивуаках, застывшими в строю, с устремленными на него глазами, страшными, неподвижными мертвецами, в крови и отрепьях, на полях сражений - «Ребятюшки, детушки мои родные», - прошептал Суворов.

Память покидала его, - он уже не помнил последних кампаний, названия боев меркли одно за другим, память уходила в прошлое всё дальше и дальше: Варшава, Финляндия, Измаил, Рымник, Очаков, Кинбурн, Крым, кубанские степи, уральские степи, Пугачёв, Козлуджи, Туртукай, Брест, Ланскрона, наконец - Гольнау: первая рана, туроверовские казаки, - первая музыка баталий с великим Фредериком...

Суворов терял память, но это уже не пугало его; на старых ранах открылись язвы, начиналась гангрена, но никаких болей уже не было, - была только блаженная усталость... Вечером пятого мая позвали священника, после причастия Суворов прошептал: «Долго я гонялся за славой - всё мечта, покой души у престола Всемогущего».

Вокруг умирающего толпились родные, но он уже никого не узнавал. Ночью душил бред: «Суворов торопился отдать армии последние приказания, - как можно кратко, как можно сжато! Но отдавать приказания было некому: генералиссимус забыл имена своих генералов. К утру, наконец, вспомнил одно имя - Кутузов, сейчас же вспомнил - Измаил, но глухо выкрикнул: «Генуя!».

Утром на улице положили солому, в доме Хвостовых стояла тишина.

После полудня полный покой овладел Суворовым... Он, десятилетним мальчиком, лежал на чердаке отцовского деревенского дома, листая громадный фолиант Тюрена, в чердачное окошко вливался сноп солнечного света, в нем плавали пылинки. Внезапно свет померк: его заслонил черный великан. Это был генерал Ганибал, друг суворовского отца, арап Петра Великого. Ганибал рассмеялся: «Вот ты каков! Идем к отцу, - твой воинский карьер мне очевиден!».

Он поднял Суворова на руки и начал спускаться с ним по лестнице, на лестнице была тьма, духота, Суворов крепко прижался к арапу, и сразу задохнулся...

Князь Итальянский, граф Российской и Римских империй, генералиссимус Российских сухопутных и морских войск, фельдмаршал Австрийских и Сардинских войск, Сардинского королевства гранд, принц королевского дома (cousin du Roi) и орденов: российских Св. апостола Андрея Первозванного; Св. Георгия 1-ой степени; Св. Владимира 1-ой степени; Св. Александра Невского; Св. Анны 1-ой степени; Св. Иоанна Иерусалимского большого креста; австрийского Марии Терезии 1-го класса; прусских Черного орла, Красного орла и «За достоинство»; сардинских Благовещения и Св. Маврикия и Лазаря; французских Кармелитской Богородицы и Св. Лазаря; баварских Св. Губерта и Золотого льва; польских Белого орла и Св. Станислава кавалер, Александр Васильевич Суворов тихо скончался во втором часу дня шестого мая 1800 года, в день Святого Иова Многострадального.

8

«...Все, или по крайней мере многие, не только к больному Суворову, но даже к телу его, опасаясь царской немилости, появляться не смели. Вот что видел я своими глазами: приехав однажды, вошел я в комнату, где лежал он в гробе. Всех нас было трое и четвертый - часовой с ружьем на плече. Князь Шаховской, лишившийся руки в одном из сражений, бывших под предводительством Суворова, смотря на него, сказал сквозь слёзы: «За тобою следуя, лишился я руки моей; встань! Я с радостью дам себе отрубить другую». Мы с ним прослезились и, отдав последний поклон праху великого мужа, идем мимо часового, который при отдавании нам чести, казалось, насильно удерживался от плача. Взглянув на печальное лицо его, мы спросили: «Тебе так же, как и нам, жаль его?». Он вместо ответа залился слезами. «Верно ты служил с ним?», - повторили мы вопрос. «Нет, - ответил он рыдая, - не привел Бог!».

Погребение Суворова, несмотря на желание Павлово похоронить его просто, было,

по великому стечению народа, превеликолепно. Все улицы, по которым его везли, усеяны были людьми. Все балконы и даже крыши домов были наполнены печальными и плачущими зрителями. Сам государь, не для почести, но из любопытства, выехал верхом, и сам потом при мне рассказывал, что лошадь его была окружена народом и две женщины, не приметя кто на ней сидит, смотрели, облокотясь на его стремена. При провозе гроба сквозь ворота лавры, когда некоторым показалось, что он, по тесноте их, не пройдет, вспомнилось слово солдата, сказавшего: «Небось, пройдет, везде проходил!»...

Так вспоминает очевидец, адмирал Шишков.

Суворов был похоронен 12-го мая в нижней Благовещенской церкви Александроневской лавры, возле левого клироса. Надгробного слова сказано не было. Вместо него певчие пропели концерт Бортнянского - 90 псалом: «Живый в помощи Всевышнего, в крови Бога небесного водворится...». На могилу была положена плита с краткой надписью:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ СУВОРОВ

* **

Граф фон дер Пален вел страшную, но верную игру.

Спустя десять месяцев после смерти Суворова, в первом часу ночи с 11 на 12 марта 1801 года, гр. Пален доложил великому князю, наследнику Александру Павловичу о скоропостижной смерти государя. Изуродованное тело императора Павла было предано земле 23 марта.

«...Конец жизни Павла, равно как и Петра Третьего, не был никем, или весьма немногими, оплакиваем. Погребение его отнюдь не походило на погребение князя Суворова: там видел я множество печальных и плачущих лиц, а здесь, идучи за гробом Павла, от Михайловского дворца через Тучков мост до крепости, из многих тысяч жителей во всю дорогу не видал я никого, кто бы проливал слезы. Казалось, все смотрели как бы на некое, скорее увеселительное, нежели плачевное зрелище: до такой степени все чувствовали тягость его правления!».

Так вспомнил тот же очевидец, адмирал Шишков.

В годовщину смерти Суворова, 5 мая 1801 года, на Царицынском лугу в Петербурге, в присутствии юного императора Александра и многочисленной публики, был открыт суворовский памятник, заказанный Козловскому еще императором Павлом. В 10 часов утра упало полотно, скрывающее памятник: на ярком солнце засиял закованный с ног до головы в броню рыцарь, вооруженный мечом и щитом, рыцарь был вознесен на круглом гранитном пьедестале. Загрохотали барабаны, гвардия начала проходить перед памятником, салютуя ему, император Александр отдал честь и улыбнулся стоявшему рядом Аркадию Суворову. Находящийся среди публики Державин, глядя из-под ладони на памятник, сердито забормотал: «Не то, совсем не то!». Его сосед, Лев Николаевич Энгельгарт, не понял, и громко зашептал на ухо Державину: «Граф Суворов был знаменит в баталиях, но в жизни невыносим - упаси Бог! По взятии нами Варшавы, в девяносто четвертом году, я был зван к графскому столу, сели за стол, мне пришлось сесть наискось против графа. Вдруг он вскочил и закричал: «Воняет!», и убежал в другую комнату. Адьютанты его начали открывать окошки и сказали ему, что дурной запах прошел. «Нет! - кричит он. - За столом вонючка сидит». Адьютанты стали обходить всех сидящих и начали обнюхивать, один ко мне подошел и сказал: «Верно, у вас сапоги не чисты, извольте выйти, граф не войдет, пока вы не встанете, и прикажите себе сапоги вычистить, тогда опять можете сесть за стол. Представьте мое смущение...». Энгельгарт запнулся: глаза Державина налились кровью, лицо его стало страшным. «Северны громы в гробе лежат!

Северны громы, милостивый государь мой!», - выкрикнул Державин в лицо Энгельгарту и пошел прочь. Стоявший рядом походный атаман Адриан Карпович Денисов шарахнулся - державинский рокот: громы, гробы, - гр... гр... его ошеломил: в памятнике он не разобрался, а ведь в Италии Суворова из огня на руках выносил.

Вечером, в лейб-казацких казармах, где он остановился у полкового командира Алексея Петровича Орлова, Денисов, имея влечения к ремаркам, записал, что *«Сего 1801 года, мая 5-го числа, на Царицынском лугу против Михайловской крепости, токмо ближе к Летнему саду, у самой Канавы, поставлено подобие его сиятельства покойного князя Итальянского на мраморном столбе. Монумент вылит из меди несказанно выше и толще против натуры. В латах и шишаке, в правой руке шпага вознесена острым концом выше левого плеча, якобы кого на взмашь пересечь хочет. Лицо его геройски обращено на правую сторону. С левой стороны три короны и жезл, но какие, того вскорости не узнать»*.

В это время дома, ломая грифель, Державин писал на аспидной доске, - сам не зная почему, - свои старые стихи:

...И славы гром,
Как шум морей, как гул воздушных споров
Из дали в даль, с холма на холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род
Прокатится, пройдет,
Промчится, прозвучит
И в вечность возвестит,
Кто был Суворов!